

СЛЕДЫ ЛЕСНЫХ ВЕЛИКАНОВ

Шевельнулись ветки кустов. Лохматая голова показалась, спряталась и опять показалась в просвете. Человек это или зверь? Об этом не сразу можно было догадаться.

Рыжая львиная грива спускалась с этой головы и падала по плечам. На груди она сливалась с огромной бородой и совершенно скрывала шею. Из-под низкого лба остро глядели узкие щели-глаза. А над ними мохнатой щёtkой нависали брови. И всё-таки это был человек.

Когда он раздвинул гущу ветвей на краю берегового обрыва, можно было разглядеть его сутулую, коренастую фигуру. На нём было надето что-то вроде короткого мехового мешка, подпоясанного лыком. В прорезы высовывались жилистые руки, обмотанные широкими меховыми браслетами. Левая рука сжимала копьё с каменным наконечником. Человек втягивал носом воздух, подставляя под ветер широкие ноздри.

Потом он вылез из кустов, сделал несколько шагов вдоль края обрыва и нагнулся.

Здесь трава и кусты орешника были поломаны и помяты.

Рыжий стал на колени, опёрся ладонями о землю, пригнулся лицо к притоптанной траве и принялся нюхать её.

Он нашёл след какой-то огромной ступни:

— Хумма, хумма, хумма!

Он трижды прошептал это странное слово, поднялся и поманил кого-то к себе волосатой рукой. Потом приложил к носу указательный палец и сделал рукой плавный жест, как будто закручивал в воздухе невидимую спираль. Затем высоко поднял ладонь и два раза помахал ею.

Кому делал он эти знаки?

Не прошло и четверти минуты, как из чащи показались ещё два человека.

По наружности они резко отличались от первого. Оба были много выше. Они были молоды и стройны.

На их лицах не было ни усов, ни бороды. Прямые чёрные волосы, перевязанные на макушке, торчали пучком. В середину такого пучка было воткнуто перо, а у пояса назад болталось по лисьему хвосту. Горбатые

тонкие носы, широко раскрытые глаза и соболиные брови придавали им смелый и воинственный вид.

Рыжий ещё раз прошептал: «Хумма!» — и показал рукой на север. Молодые ответили ему выразительными движениями: они радостно подпрыгнули на месте и взмахнули копьями.

Все трое выбрались на край речного обрыва. Внизу перед ними расстилалась долина Большой реки. На другой стороне зеленела мокрая пойма. На заливных лугах блестели узенькие озерки и лужи: их оставил здесь половодье. Люди осмотрелись и стали спускаться вниз, цепляясь руками за длинные корни деревьев. Ниже обрыва начиналась пологая и мягкая осыпь; по ней тянулись звериные тропы. Одна, самая нижняя, была и самой широкой. На ней среди давних оленьих следов виднелись огромные свежие следы какого-то гигантского зверя.

— Хумма! Хумма! — радостно шептали охотники.

— Хо, хо! Волчья Ноздря! — выкрикивал, смеясь, самый младший из них —Ao.

Это был горячий восторг перед необыкновенным чутьём охотника.

Волчья Ноздря опустился на колени и стал обнюхивать след огромной ступни:

— Хумма прошёл, когда солнце проснулось и роса высохла.

Рыжий разбирал следы, как грамотей читает книгу. Он внимательно вгляделся в них и прибавил:

— Прошла молодая самка, а тут старая. Здесь детёныш и ещё детёныш.

Ао так же пристально изучал следы на краю берега и вдруг хлопнул себя ладонью по коленке:

— По воде шли! Много... много...

Волчья Ноздря засмеялся. Глаза его совсем спрятались в морщинках. Рот растянулся почти до ушей.

Третий охотник, Улла, стал искать что-то в глубине мешочка, сшитого из беличьих шкурок. Он вытащил оттуда белый предмет длиною в ладонь. Это была женская статуэтка, вырезанная из мамонтовой кости. Статуэтка была сделана очень искусно. Она изображала пожилую женщину с тонкими, прижатыми к груди руками. Голова её была опущена. На голове можно было различить что-то вроде шапочки, покрывающей причёску. Или, быть может, это были изображены завёрнутые венцом косы.

Лица охотников стали сразу же серьёзными. Волчья Ноздря посмотрел кругом и выбрал место, где отвесная стена обрыва ближе всего подступала к реке. Со статуэткой в руках он направился туда.

Снизу белели известковые пласти, почти закрытые рыхлой осыпью. Над ними лежала толща плотной глины.

Взобравшись на мягкую площадку осыпи, Волчья Ноздря прежде всего наскрёб руками кучку земли и воткнул в неё до колен белую статуэтку.

Ао подошёл к обрыву и уверенными взмахами копья начертил на гладком отвесе очертания зверя. Это был горбатый слон на толстых ногах. Он был покрыт прядями длинных волос и высоко поднимал концы могучих клыков. Фигура слона была сделана немногими скучными линиями, но так искусно, что с первого взгляда можно было узнать, кого изображает рисунок.

Это искусство настоящего художника, у которого был глаз охотника, привыкшего подмечать все особенности и повадки зверя.

Едва толькоAo закончил рисунок, как все трое быстро отпрянули прочь. Глаза их были широко открыты; челюсти плотно стиснуты; пальцы судорожно, с силой сжимали короткие копья; мускулы ног и всего тела натянуты, как струны.

Они медленно пятались назад, чтобы быть подальше от обрыва: там перед ними стоял хумма — живой, мохнатый, страшный.

Охотники опустились на колени: Ao и Улла — по бокам, Волчья Ноздря — посередине, позади статуэтки. Здесь они были в полной безопасности: их охраняла колдовская власть Матери матерей, покровительницы их посёлка, могучей заклинательницы вражеских сил и невидимой спутницы во всех их опасных охотах.

Все трое воткнули в землю остриём вверх свои копья и ничком припали к земле; потом вскочили на ноги и затянули протяжную песню. Под монотонный мотив начался охотничий танец. Они ходили вокруг копий друг за другом, сгибая через каждые три шага то одно, то другое колено.

И песня, и танец не были для них развлечением. Это было заклинание. Заклинание должно было принести им, как они думали, охотничье счастье.

Слов в песне было немного. Говорились они как бы от имени статуэтки, от имени самой Ло — Матери матерей рода Красных Лисиц:

Я ЛО, МАТЬ МАТЕРЕЙ РОДА КРАСНЫХ ЛИСИЦ!
Я ЗАКЛИНАЮ ГОРБАТОГО ХУММУ.
ЗАКЛИНАЮ ЕГО БИВНИ, И УШИ, И ВСЕ ЧЕТЫРЕ НОГИ:
ХУММА, ХУММА, ПЕЙ ВОДУ!
ХУММА, ХУММА, ИДИ В ГОРУ!
ХУММА, ХУММА, ПАДАЙ В ЯМУ!
ХУММА, ОТДАЙ НАМ ТВОЁ МЯСО!
ОТДАЙ НАМ ТВОИ БИВНИ И ТВОИ КОСТИ!
ЗАКЛИНАЕТ ТЕБЯ ЛО, МАТЬ МАТЕРЕЙ КРАСНЫХ ЛИСИЦ.

Охотники хлопнули в ладоши и схватились за копья. Хумма стоял перед ними живой, косматый и поднимал к небу свой ужасный хобот. Но теперь он был уже им не страшен. Мать матерей укротила его. Она околдовала его своими чарами. Она связала его силу. Теперь он не мог сделать ни шагу от той стены, на которой был нарисован. Охотники набрали горсти песка и стали с силой бросать в чудовище. Они метили в то место, гдеAo изобразил глаза — оба на одной стороне.

Зачем они делали это?

Нужно было ослепить хумму, чтобы он не мог видеть охотников.

После этого Ao подкрался к хумме и быстро обвёл тупым концом копья черту вокруг ослеплённого зверя. Круговая черта означала ловушку или, может быть, колдовскую силу, которая смыкается вокруг зверя. Как только круг замкнулся, охотники опять запели своё заклинание. Они долго-долго кружились, приседали и подпрыгивали.

Наконец заклинательный танец кончился. Охотники поочерёдно вонзали копья в побеждённого хумму. Одно из них пробило глаз, другое — сердце, третье — живот. Этим всё колдовство завершилось. Оно отдавало хумму в полную власть охотников. Они верили, что теперь хумме от них не уйти. Кто может отнять у них ту добычу, которую уже опутало их заклинание? Разве только какое-нибудь чужое, ещё более сильное слово станет на их пути и разрушит волшебную власть Матери матерей.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Самое важное для успеха было сделано. Теперь можно было идти дальше. Но раньше охотники сели отдохнуть. Песни, пляски и заклинания их утомили. Пот градом катился по их лицам. Сердце билось, руки и ноги тряслись. Они только что пережили такие чувства, как будто и в самом деле выдержали борьбу с чудовищем и одолели его. Все трое тяжело дышали и отирали ладонями мокрые лбы. Потом они вынули из-за пазухи запасы пищи и стали есть. Это были большие куски мяса молодой сайги.

Каждый держал большой кусок мяса в левой руке, а в правой — тонкую кремнёвую пластинку с острым, режущим краем; они вцеплялись крепкими зубами в край мяса, а потом кремнёвым лезвием отрезали кусочек перед самыми зубами.

Иногда им удавалось сразу отгрызть кусок, чаще же они довольно долго перепиливали волокна мускулов и сухожилий своими осколками кремня.

Ели много. Нужно было утолить голод, успокоиться и собраться с силами, чтобы продолжать путь в поисках добычи.

Тропа мамонтов привела их к самой реке. Вдруг Волчья Ноздря остановился. Против устья оврага протянулась песчаная отмель. Вся она была покрыта свежими следами целого стада мамонтов. Здесь хуммы пили, купались, обливали друг друга водой, посыпали себе спины песком, а слонихи кормили тяжеловесных и неуклюжих слонят. Там и сям по отмели раскиданы были кучи помёта.

— Хуммы пили воду, — сказалAo и хлопнул по плечу Волчью Ноздрю. Ноздря засмеялся. Он вспомнил слова заклинания:

ХУММА, ХУММА, ПЕЙ ВОДУ!
ХУММА, ХУММА, ИДИ В ГОРУ!

Свежие следы вели к оврагу, и скоро тропа со следами животных пошла наискось вверх, на правый берег оврага. Ноздря опять засмеялся.

— Хумма, хумма, иди в гору! — бормотал он.

На высоком берегу оврага стеной стоял осиновый лес. Мамонты проложили тропу по самому краю обрыва. Тропа была вытоптана крепко. Видно, стадо было большое и звери уже не раз спускались здесь на водопой.

Охотники шли гуськом, друг за другом, пока чаща не стала светлеть. Перед ними открылась выжженная широкая поляна, покрытая низким кустарником. Кое-где на ней торчали чёрные стволы горелого леса.

Несколько лет тому назад в жаркую погоду разыгралась гроза. Молния ударила в сухую ель. Дерево вспыхнуло, как свеча, от него загорелись кучи валежника. Ветер раздул лесной пожар. Выгорел большой участок. Среди чёрных пней выросли высокие травы и ягодные кустарники. Летом густыми чащами поднимались целые полчища алых кипреев и густо кустилась земляника.

Охотники успели сделать только несколько шагов, как из-за кустов показалось стадо мамонтов. Здесь были и старые, и молодые. Совсем маленькие — приплод этого лета — жались к волосатым животам матерей. Хуммы мирно паслись под охраной огромных самцов. Они угрюмо стояли по краям,

как коричнево-бурые холмы, медленно шевеля мохнатыми ушами. Огромные хоботы их качались, как маятники гигантских часов.

Толстые самки держались в середине со своими слонятами-сосунками и заботливо подзывали их, когда те пробовали отойти в сторону. Матери попискивали при этом тоненькими, скрипучими голосами, похожими на слабый поросячий визг. И странно было слышать, что такие звуки исходили от этих колоссальных и неповоротливых животных. На обильных летних кормах мамонты сильно жирели, спинные горбы их превращались в мешки, туто набитые салом. Теперь же горбы не были так высоки, как осенью.

Охотники жадно смотрели на мохнатых великанов. У Волчьей Ноздри глаза сверкали, как у голодного волка. Он облизывался и часто глотал набегавшую слюну.

Вдоволь насмотревшись, он толкнул тихонько локтем сначала одного, потом другого соседа и знаками показал, чтобы они шли за ним. Осторожно, низко пригибаясь, они почти доползли до края оврага и спустились вниз, к реке.

Охотники решили гнать мамонтов к селению Красных Лисиц, где для них давно приготовлена ловушка — ямы.

Погнать мамонтов! Три человека, одетые в меховые мешки, говорили об этом так просто, как будто это было стадо косуль.

Большерогие олени в ужасе шарахались в чащу, когда на лесной тропе показывалась гигантская фигура вожака мамонтов. Могучие зубры уступали им дорогу. Огромный серый пещерный и бурый лесной медведи не решались вступать в бой со взрослым мамонтом. Даже свирепый северный носорог, при всей злобности своего характера, предпочитал не встречаться с чудовищными бивнями хуммов.

Откуда же эта непомерная дерзость? Неужели эти голые двуногие, которые выучились таскать с собой палки с каменными наконечниками, сильнее медведей, зубров и злобных шерстистых носорогов?

Охотники направились вверх по оврагу, чтобы оттуда пробраться в тыл мохнатому стаду. Но прежде чем начать действовать, нужно было призвать на помощь силу Матери матерей. Правда, заклинание покровительницы племени уже произнесено, но сейчас предстояло выполнить самую

трудную задачу: надо было заставить мамонтов идти туда, куда нужно.

Белую статуэтку снова вытащили из беличьего мешка. Все три охотника тихо шептали ей в уши ласковые слова и деловито рассказывали все обстоятельства охоты. Времени терять нельзя: нужно было только объяснить поскорее, куда должна быть направлена неодолимая сила заклинания. Пошептав, охотники вскочили на ноги.Ao взял в руки статуэтку, быстро поднялся по крутому склону и осторожно высунул голову из-за края оврага.

Хуммы по-прежнему мирно паслись среди кустов на том же месте. Ao поднял белую фигурку Матери матерей. Она должна была сама хорошенько осмотреть и стадо, и поляну, чтобы не вышло ошибки.

Через несколько мгновений Ao сбежал вниз. Надо было спешить. Дел впереди ещё много. Охотники быстро зашагали в обход спокойно пасущихся мамонтов.

ЧЕГО БОЯЛИСЬ ХУММЫ

Солнце уже спускалось, тени от кустов и деревьев росли. Мамонты всё ещё продолжали неторопливо набивать пищей свои необъятные желудки. Лесная поляна, богатая кормами, была для них настоящим раздольем. Густая трава, пестреющая весенними цветами, сочные лозы ивняка и жимолости, вяжущие языки, ветки молодых осинок и берёз — всё это было для них лакомым блюдом. Взрослые хуммы держались ближе к опушке, и можно было видеть, как они с треском ломали древесные сучья. Их чудовищные кореные зубы, тяжёлые, как жернова, растирали не только траву и листья, но и крепкую кору и древесину. Мамонты так были заняты едой, что, казалось, ни на что не обращали внимания. Вдруг один

из вожаков тревожно насторожил уши. Как два огромных кожаных лоскута, они поднялись и оттопырились по сторонам головы. Хобот вытянулся вперёд, хумма шумно вдохнул в себя свежую струю холодающего воздуха.

С запада тянул ветерок. Вместе с ним доносился ни с чем не сравнимый запах, который наводил страх даже на сильнейшего из зверей. Это был едкий, горьковатый запах лесного дыма. К нему примешивался тот особенный дух двуногих существ, которого боятся и звери, и птицы.

Маленькие глаза хуммы беспокойно осматривали край поляны, и вот голубоватая струйка дыма зазмеилась с той стороны, откуда восходит солнце. Ветер доносил потрескивание сухих ветвей, душистый запах горящего можжевельника и еловой смолы.

Вожак поднял хобот и протрубил сигнал тревоги. Всё стадо разом зашевелилось. Головы гигантов повернулись к востоку, и слонихи беспокойным визгом начали подзывать рассыпавшихся по кустам детёнышей.

На несколько мгновений взрослые мамонты застыли в немом ожидании. В это самое время от опушки леса отделились три странные фигуры, не похожие ни на одного из жителей леса. Они были густо обвязаны сухими ветками ёлок. Каждая из них держала в руках по огромному пылающему, как факел, смолистому суку.

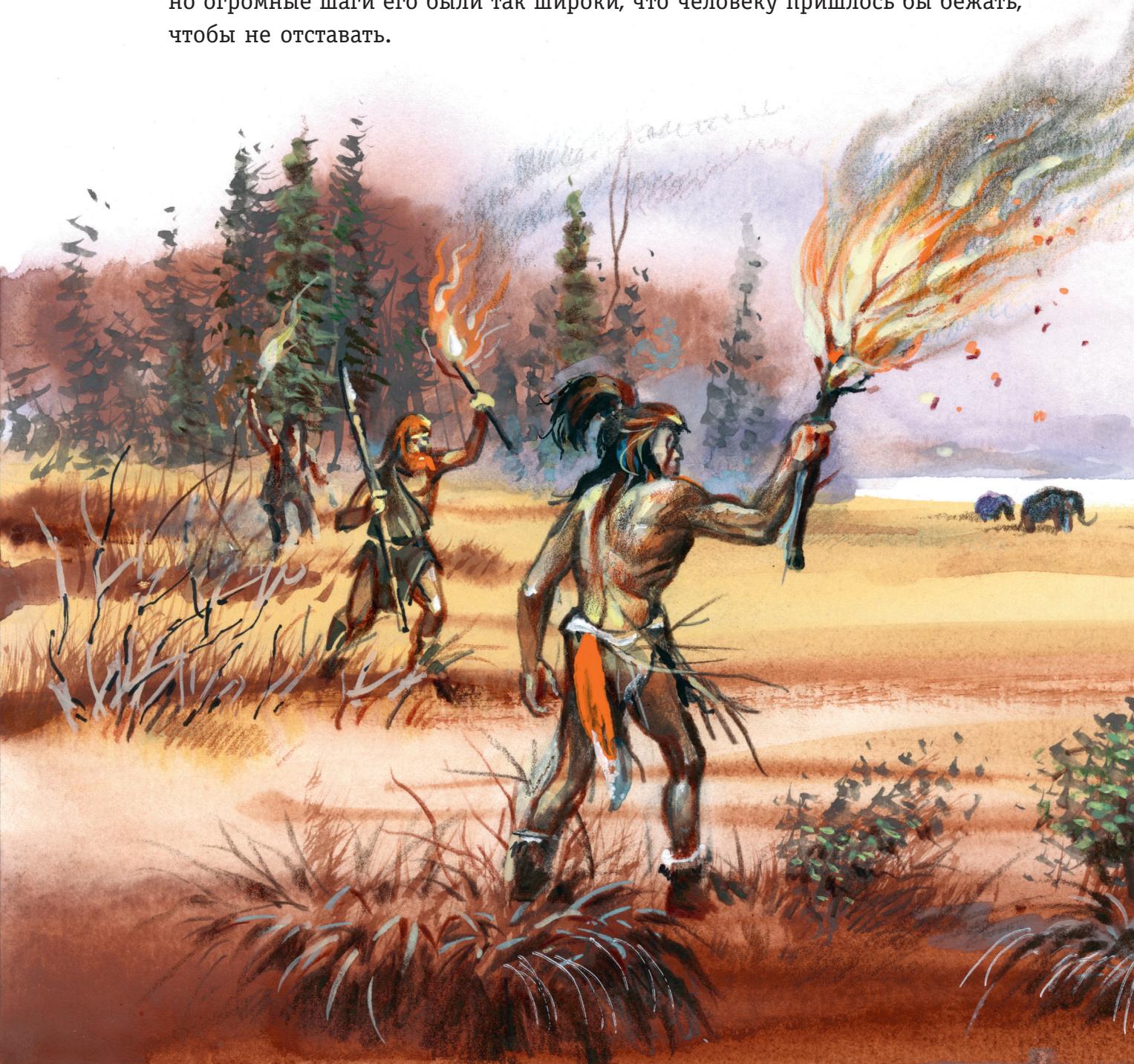
Странные существа размахивали огнём и медленно приближались к стаду.

Все горбатые самцы подняли свои огромные хоботы, и отрывистые звуки раздались на лесной поляне. Слонихи первые начали отступление. Слонята рысью затрусили за ними. Сзади замыкали шествие, тяжело ступая, самцы, растопырив, как крылья, необъятные уши. Самый старый и самый крупный из них всё ещё стоял на месте и глядел на приближающуюся опасность. Хобот его был грозно поднят к небу, а белые бивни, как толстые кривые стволы, торчали вперёд. Они загибались в стороны и назад, как белые края гигантской лиры. Он стоял один и был похож на тёмное бронзовое изваяние. Казалось, он готовился встретить таинственных врагов и уничтожить их. Вид его был страшен. Но люди продолжали наступать. В другое время мохнатая фигура чудовища испугала бы их. Но сейчас они чувствовали за собой непобедимую силу, которая всё покоряет на своём пути.

Мамонты боялись огня, но наивные люди думали, что силу им придало заклинание Матери матерей.

Ао шёл впереди. От его факела брызгами разлетались искры. И клубы едкого дыма доносились до ноздрей старого вожака хуммов.

В это время до ушей мамонта долетел призывный зов самок. Великан тяжело повернулся и стал догонять удаляющееся стадо. Он шёл не спеша, но огромные шаги его были так широки, что человеку пришлось бы бежать, чтобы не отставать.

Мамонты пересекали поляну. Кусты трещали под их тяжестью. Охотники почти бежали, однако на порядочном расстоянии — близко подходить было опасно.

Хуммы возвращались той же тропой, какой пришли сюда. Самцы иногда останавливались и оглядывались на преследователей. Охотники продолжали размахивать дымящимися ветвями и двигались вслед за ними.

Мамонты дошли до берегового обрыва. Здесь слоновья тропа разделялась: одна шла вдоль обрыва на юг, другая — на север.

На минуту слонихи задержались. Они оглядывались на отставших слонов, как будто приглашая их поскорее следовать за собой.

Когда самцы стали подходить, огромная слониха, самая старая и большая во всём стаде, повернула на северную тропинку, и остальные послушно двинулись вслед за ней.

Охотники очень удивились, когда увидели, что стадо повернуло на север. Как же так: ведь они просили свою Ло, чтобы она помогла подогнать стадо к селению Красных Лисиц, а Красные Лисицы жили к югу, а не к северу от поляны хуммов. Неужели заклинаний было недостаточно?

Они поделились сомнениями с Волчьей Ноздрёй.

— Не бойтесь, — сказал Ноздря, — они ищут другого спуска. Этот слишком крутой. По нему хуммам трудно спускаться.

Охотники успокоились.

Между тем хуммы продолжали шагать всё дальше и дальше. Эта тропа была и в самом деле более широкой, идти по ней было просторнее.

Слонихи шагали осторожно и, почти не переставая, взвизгивали, подзываая детёнышей, которые по-ребячьи легкомысленно отбивались то влево, то вправо. Им нравилось забираться в кусты и ломать свежие ветки. Иногда они принимались гоняться друг за другом, обгонять передовых, ломаясь через кусты.

Шалунам нравилось также, разбежавшись, неожиданно ткнуть лбом идущего впереди прямо в хвост и заставить пуститься резвее вперёд, чтобы избежать повторного удара. Один из забияк проделал такую рискованную шалость даже у самого края обрыва.

Получивший удар метнулся в сторону, и вдруг земля поехала под его ногами, комки и камни запрыгали вниз, кружась в облаке пыли.